

Иван Мижиртумов¹

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ФАКТЫ²

Аннотация. Я отталкиваюсь от известных примеров двойного знакомства, двойного видения и неспецифического *de re*, и, опираясь на эвристику прикладной онтологии, предлагаю выделить среди прагматических обстоятельств их особый вид — семиотические факты, или обстоятельства, раскрывающие отношение именованного, установленное агентами между *de re* читаемыми выражениями и объектами. Репрезентация семиотических фактов использует ситуации произнесения и поля дейктических референтов. И ситуации и референты могут быть связаны отношениями трансформации. Удержание дейктического референта агентом и установление тождества двух дейктических референтов из разных ситуаций производится посредством атомарных когнитивных действий. Последовательности ситуаций конституируют дейктические референты и позволяют использовать внутренние для ситуации дескрипции. Способы указания задают иерархию семиотических фактов: первый уровень — невербализованное указание, когда осуществляется демонстрация без участия выражения языка, второй уровень — демонстративное выражение в сочетании с общим именем и данными контекста, третий уровень — имя собственное, четвёртый — определённая дескрипция. Возрастание уровня увеличивает независимость от ситуации. Как компонент пропозиции, находящейся в области действия установки агента, дейктический референт может именоваться как автором установки, так и другим агентом, который эту установку описывает. Коммуникативный успех использования такого выражения определяется возможностью осуществить абстракцию отношения именованного, в результате которой компонентом пропозиции становится дейктический референт, а обозначающее его выражение фигурирует как знаковый комплекс, выбранный определённым агентом в определённой ситуации (не обязательно актуальной) для обозначения дейктического референта. Абстракция отношения именованного, или δ -абстракция, как мне кажется, позволяет прояснить случаи двойного знакомства, двойного видения и неспецифического *de re*. δ -абстракция «проявляет» имплицитные контекстуальные параметры, при этом прочие структуры интерпретации не затрагиваются.

Ключевые слова: семантика, прагматика, сигнификация, семиотика, *de re*, двойное знакомство, двойное видение.

Ivan Mikirtumov

SEMIOTIC FACTS

Abstract. I proceed from the well-known examples of double acquaintance, double vision and non-specific *de re*, and, relying on the heuristics of applied ontology, I propose to distinguish among pragmatic circumstances their particular kind — semiotic facts, or circumstances that reveal the naming relationship established by agents between *de re* readable expressions and objects. Representation of semiotic facts uses situations of speech and fields of deictic referents. Both situations and referents may be connected by relations of transformation. The retention of a deictic referent by an agent and the establishment of the identity of two deictic referents belonging to different situations are done through atomic cognitive actions. The sequences of situations constitute deictic referents and allow us to use internal situational descriptions. The hierarchy of semiotic facts is built: the first level is constituted by non-verbal indication, which is a demonstration performed without the expression of a language, on the second level we find a demonstrative expression in

¹ Мижиртумов Иван Борисович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры логики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ivan Mikirtumov, Dr. of Sc., professor, department of logic, Saint Petersburg State University.
i.mikirtumov@spbu.ru

² Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 18-011-00895 «Логическое исследование сигнификативных явлений: семантика и прагматика».

combination with a common name and context data, on the third level — a proper name, and on the fourth — a definite description. Raising the level increases the independence from the situation. As a component of a proposition that belongs to the scope of an agent's attitude, the deictic referent can be referred to by the author of the attitude, as well as by another agent who describes this installation. The communicative success of using such an expression is granted by the possibility of abstraction of a naming relationship, which results in that a deictic referent becomes a component of a proposition, whereas the expression designating it appears as a sign complex chosen by a certain agent in a certain situation (not necessarily current) to denote a deictic referent. The abstraction of a naming relationship, or δ -abstraction, seems to clarify the cases of double acquaintance, double vision and nonspecific *de re*. The δ -abstraction exhibits the implicit contextual parameters, while the other interpretation structures are herewith not affected.

Keywords: semantics, pragmatics, semiotics, *de re*, double acquaintance, double vision.

Трудности, возникающие при формализации непрозрачных контекстов, уже более ста лет являются значимым стимулом развития философской логики и логической семантики, поскольку вопрос о принципах построения логической формы выражений, содержащих непрозрачные контексты, в частности, пропозициональные установки агентов, несмотря на немалое число удачных решений, остаётся открытым. Подразумевается, что если в отношении логической формы будет достигнута большая определённости, то, с одной стороны, можно будет получить алгоритм, по которому она будет генерироваться для конкретного выражения, а с другой стороны, по самой логической форме можно будет задать композиционную процедуру вычисления значения, работающую уже с внешними параметрами. Можно ли считать нормальной ситуацию, когда решением проблемы анализа непрозрачных контекстов занимают столь долгое время и столь значительное количество весьма искушённых умов — философов, логиков и лингвистов, — без того, чтобы при вполне ясной постановке задачи не был достигнут приемлемый результат? Ответ на этот вопрос дать трудно. Чем ближе мы к логической форме, т. е. чем беднее и определённое представлен языковой материал, тем лучше ситуация. Нет недостатка в работающих логиках алетических модальностей, времени, эпистемических установок разных типов, норм, оценок, действий, намерений и т. д., а логические и семантические принципы получают воплощение в компьютерных программах, обслуживающих информационные системы, причём масштабы их прикладного использования едва ли можно оценить. Но при движении к естественному языку и процессам коммуникации теряются и определённости, и практическая приложимость. Здесь центральным становится вопрос о получении логической формы, адекватной некоторому множеству частных случаев, отражающих многообразие способов обозначения, используемых в естественном языке. Фактором такого многообразия оказывается и смешение содержания того, что сообщается выражением, с обстоятельствами того, какие способы обозначения предметов речи выбраны. Ещё Аристотель отмечал, что «о подлежащем сказывается и имя и понятие» (*Cath.* 2a19–20), т. е. способ, каким обозначается предмет, занимающий субъектную позицию, — это часть того, что о нём «сказывается» уже на

позиции предикатной. Здесь могут оказаться имя собственное, общее имя в сочетании с демонстративом, неопределённая дескрипция или же дескрипция определённая. Выражение находится при этом в контексте, который в одних случаях позволяет опускать те или иные его компоненты, — если их содержание контекстом восполняется, — или же, наоборот, требует обогащения выражения неартикулированными элементами. Что понимается под контекстом? Для понимания явлений, в которых значимым является отношение именованного, требуется учитывать планы содержания, обозначения, намерений, установок и действий агентов, и такой контекст перерастает в ситуацию, которая складывается как локус возможного мира. Тем самым, складывающиеся в возможный мир факты, соответствующие свойствам и отношениям предметов, отделяются от конституирующих ситуацию фактов обозначения и установок агентов, которые можно назвать сигнификативными или семиотическими.

В этой статье я хочу представить некоторые идеи к логической теории семиотических фактов. В их числе характеристика успешности анонсирования выражений в ситуациях как аспект значения и эвристика прикладной онтологии, т. е. предположение, что наборы объектов разных сортов конечны, параметры их описания известны, за всяким утверждением скрывается верифицируемое положение дел, а за установками — возможные действия агентов. Основной идеей является дифференциация приписывания объектам свойств и отношений и способов их именованного *de re*, которая воплощается в абстракции отношения именованного — δ -абстракции, делающей имплицитные в выражении параметры именованного, означивание которых происходит в контексте, эксплицитными.

Снова о двойном знакомстве

Роль семиотических обстоятельств легко уяснить на классическом примере, рассмотренном в статье Уилларда Куайна (Quine 1956). Некий Ральф в одной ситуации обращает внимание на человека в шляпе и решает, что он шпион, а затем, увидев седовласого человека на пляже, думает, что это добропорядочный гражданин, в то время как на самом деле это один и тот же человек по фамилии Орткатт, о чём Ральф не знает. Если исходить из того, что

(1) Человек в шляпе (H) = человек на пляже (S) = Орткатт (O),

то из кажущихся верными описаний установок Ральфа

(2) Ральф считает, что H шпион.

(3) Ральф не считает, что S шпион.

по принципу замены тождественных следует контринтуитивное

(4) Ральф считает, что O шпион, и Ральф не считает, что O шпион.

Неприемлемые следствия получаются и при использовании равенства $H = S$ для замен в (2) и (3):

- (5) Ральф считает, что S шпион.
- (6) Ральф не считает, что H шпион.

Давно известно, что, описывая эпистемическую установку агента, нельзя, во-первых, использовать те способы именования объектов, которые сам агент не использует, во-вторых, нельзя производить замены на основании тождества, если оно агенту не известно³. Вместе с тем, обсуждая установки Ральфа, наблюдатели вполне могут использовать (4), (5) и (6) как раз для констатации сложности в идентификации Ральфом Орткатта. Так, в ответ на (5), может прозвучать (6), играя роль возражения, ставящего под сомнение систему обозначений, ведь нелепо было бы утверждать, что Ральф одновременно считает и не считает Орткатта шпионом, но и (5) и (6) получают некоторое основание в (1). Иными словами, в определённой ситуации (5) и (6) вполне осмысленно и безо всяких противоречий должны читаться уступительно как

- (5') Получается же, что Ральф считает, что S шпион.
- (6') И выходит, что Ральф не считает, что H шпион.

и тем самым выражать трудность в передаче установок Ральфа.

Пусть в рамках некоторой прикладной онтологии установки связаны с возможными действиями их носителей. Например, если бы Ральфу предложили сделать ставку, то он поставил бы на то, что H с известной вероятностью шпион, но не сделал бы этого в отношении S и, тем более, в отношении Орткатта, если бы его имя прозвучало. Для наблюдателя это значило бы, что в отношении одного и того же человека Ральф ведёт себя непоследовательно, поскольку приписывает ему несовместимые свойства, или же действия Ральфа следует истолковать так, как будто он имеет дело с двумя разными людьми. Здесь мы сталкиваемся с семиотическим обстоятельством, а именно, с тем, как Орткатт дан Ральфу в двух разных ситуациях и как Орткатт дан наблюдателям. Не вызывают сомнения следующие формулировки:

- (7) Ральф считает, что по признакам, по которым он идентифицирует H , можно найти шпиона.
- (8) Ральф считает, что по признакам, по которым он идентифицирует S , можно найти добропорядочного гражданина.

При этом и для Ральфа, и для наблюдателя верно:

³ Пути решения вопроса на стыке логики и лингвистики хорошо описаны в работах (Tiskin 2016a; Tiskin 2016b).

- (9) Признаки, по которым Ральф идентифицирует $H \neq$
 признаки, по которым Ральф идентифицирует S .

На зафиксированном в (9) различии основано решение проблемы, предложенное Дэвидом Капланом (Kaplan 1968: 411–413; см. также Schwager 2011). Оно предполагает систематически дифференцировать «живые» и «репрезентативные» именные выражения, используемые агентами. Первые соответствуют психофизической данности объекта агенту в конкретной ситуации, вторые – это дескрипции, играющие свою роль благодаря связи с «живым» именем при включении сигнификативной интуиции, превращающей идентификацию объекта в ситуации в описание объекта. Из дескрипций такого рода мы получаем равенство:

- (10) Человек, которого Ральф идентифицировал как $H =$
 человек, которого Ральф идентифицировал как S .

Здесь идентифицирующие признаки H и S представляют собой компоненты дескрипций, данных наблюдателю, которые, правда, не могут быть наблюдателю понятны до конца, если он не представляет себе, как именно Ральф идентифицирует H и S . С одной стороны, если известно, что идентификация состоялась, каждая из дескрипций для Ральфа указывает в точности на одного человека, хотя не обязательно, что на одного и того же. С другой стороны, наблюдатель при этих условиях не может по одной только дескрипции найти объект, поскольку дескрипция в своей зависимости от Ральфа идентификации оказывается для наблюдателя непрозрачной, в то время как (10) может быть истинным для наблюдателя просто потому, что наблюдатель знает, где и когда Ральф видел Орткатта, и к каким выводам Ральф пришёл. Если описывать ситуацию с учётом вклада в значение (10) осуществлённых Ральфом дескрипций H и S , то обнаружится, что вклад этот минимален, и что указание на то, как именно Ральф опознаёт референтов H и S в ситуации легко можно заменить на описание условий такого опознания или знакомства:

- (11) Ральф заметил H .
 Ральф обратил внимание на S .

В (11) уже неясно, кому принадлежат дескрипции H и S : Ральфу или наблюдателю, но для передачи содержания этого достаточно.

Выходит, что интерпретируя фразы (2) и (3) или подобные им, мы, если выйти за пределы рассматриваемого сценария, не знаем, кому принадлежит авторство дескрипций H и S : говорящему, Ральфу, им обоим, или же имеет место ситуация, при которой авторство одного не соответствует представлениям другого. Мне не кажется, что эти обстоятельства являются семантическими, ибо недостаёт именно фактического знания о том, как происходили знакомство, идентификация и описание. К прагматике эти процедуры также

трудно отнести, хотя они являются условиями, которые создают прагматически значимые факторы интерпретации выражений в ситуациях произнесения.

Удержание, знакомство и внутренняя дескрипция

То, как Ральф идентифицирует *H* и *S*, скрывает в себе условия, делающие эти дескрипции для него в известном смысле устойчивыми и надёжными. Покинув место встречи с *H*, Ральф сохраняет мнение о том, что *H* шпион, но, если представить себе вытекающие из этого действия, например обращение в полицию, то перспективы опознания *H* выглядят весьма туманными. Формирование дескрипции *H* происходит здесь и теперь, т. е. в ситуации, в которой Ральф некоторое время удерживает фигуру незнакомца в поле своего зрения и запоминает некоторые его характерные черты. Знакомство предполагает удержание образа в первичной памяти, ретенцию, благодаря которой увиденное обретает определённую длительность. Её длительность связана со скоростью протекания актов сознания, которые обеспечивают фиксацию значимых признаков фигуры, а также их устойчивости во времени. Если использовать термин Гюстава Гийома, то констатация некоторых обстоятельств как имеющих место в настоящем времени возникает в результате их устойчивости во времени оперативном (Гийом 1992: 85–86). Иными словами, для того, чтобы сформировать идентификацию *H*, нужно, чтобы шляпа в интервале оперативного времени была на месте, ведь в противоположном случае не имело бы никакого смысла делать из шляпы основной признак. Но шляпам присуще быть снимаемыми, поэтому идя в полицию, Ральф не может быть уверен в том, что по описанию *H* можно разыскать шпиона. Получается, что либо Ральф не собирался действовать так, как будто *H* и в самом деле шпион, либо, когда упоминается *H*, то подразумеваются какие-то иные более надёжные признаки. Достаточная длительность восприятия Ральфом фигуры в шляпе определяет применимость дескрипции *H* и при этом оперативное время, хотя и имеет длительность, но в отношении восприятия фигуры в шляпе должно описываться как образованное особого рода совокупностью возможных миров, их недифференцируемой последовательностью. Такого рода последовательность конституирует элементарный семиотический акт, когда агент присваивает объекту, заданному некоторым идентифицирующим комплексом признаков, знакового образования в качестве имени. Вопрос об идентификации объекта на этом интервале не ставится, поскольку сам интервал возникает в связи с когнитивным процессом агента, который начинается с однократной фиксации признаков, а завершается присвоением тем из них, которые оказываются устойчивыми, статуса идентифицирующего комплекса. Неудача этого процесса и невозможность стянуть последовательность моментов времени становятся следствием неустойчивости признаков, например, если интересующая нас персона то снимает, то надевает шляпу. Если Ральф выбрал *H* как дескрипцию для похожей на шпиона примечательной фигуры, то

это значит, что в ситуации знакомства наличие шляпы было хорошо удерживаемо. Но за пределами этой ситуации шляпа перестаёт быть устойчивым признаком подозрительного лица — «ищите человека в шляпе!» прозвучало бы комично. Ральф, впрочем, не идёт в полицию, а останавливается на констатации наличия шпионов и на собственном опыте встречи с таковым, что также имеет когнитивную ценность. На вопрос, как наличие шляпы привело его к решительным выводам, Ральф ответил бы: «посмотрели бы вы на него», — т. е. отослал бы спрашивающего к ситуации знакомства и к стандартному образу секретного агента, созданного детективами в жанре «нуар». Подозрительный вид, придаваемый шляпой, оказывается важен для идентификации ещё и потому, что, возможно, предполагаемый шпион никогда её не носил раньше и носить не будет и что она вообще только однажды — на глазах Ральфа — украшала голову Орткатта, так что никакой другой возможности увидеть его в шляпе и по очевидным признакам изобличить больше не представится. Фраза «Я видел шпиона — это такой тип в шляпе, видели бы вы его, не было бы у вас никаких сомнений!» содержит контрфактическое условие, при котором собеседник видит фигуру в шляпе вместе с Ральфом, так что сам Ральф, в процессе удержания восприятия фигуры в шляпе, удерживает и наличие в этот момент собеседника. Иными словами, расставшись с человеком в шляпе, Ральф в будущем атрибутирует те или иные признаки, в частности, шпионскую деятельность, не любому человеку в шляпе, а «тому самому», ссылаясь при этом на ситуацию, в которой состоялось знакомство. *H* в этом случае функционирует как внутреннее для ситуации имя собственное, но не как жёсткий десигнатор, осуществляющий кросс-идентификацию, и, тем более, не как дескрипция, причём объект дан один раз «очно», а потом, если не происходит его узнавания в новой ситуации, всегда только «заочно», ибо Ральф предполагает, что указанное лицо где-то продолжает существовать, уже, возможно и без шляпы. «Внутренняя» дескрипция *H* употреблена здесь и референциально, и эти два аспекта трудно различить, пока мы остаёмся в ситуации. Согласно «правилу *De Re*» (Sudo 2014: 451) *de re* интерпретируемому предикату в ситуации можно поставить в соответствие эквивалентный ему контекстуально определённый *de dicto* предикат. Если перенести это правило на субъект, то каждому имени собственному и демонстративу, которые в ситуации употребляются *de re* и при этом удачно, т. е. с достижением коммуникативных целей, можно сопоставить эквивалентную и употребляемую *de dicto* дескрипцию, также достигающую успеха в этой же ситуации, но отсюда не следует, что существует какая-либо такого рода дескрипция, которая является эквивалентной всем *de re* указаниям того же самого объекта во многих или во всех ситуациях. Дескрипция *H* несёт с собой ситуацию, в которой была сформулирована и референциально употреблена, и это соответствует уникальным когнитивным актам узнавания и идентификации.

Понимание акта именованного как делящегося на протяжении недифференцируемого интервала времени позволяет описать и кросс-идентификацию.

Если мы пытаемся выявить устойчивость некоторого признака, а он устойчивым не является, т. е. шляпа попеременно одевается и снимается, то при этом работает предвосхищающая способность, попеременно формируя два ожидания: снятой шляпы и надетой шляпы. Для получения контрфактического предположения, т. е. для перехода в минимально отличный от данного возможный мир, достаточно в когнитивном отношении посредством силы воображения представить сохранение того или иного из двух перемежающихся состояний. Для этого не требуется даже выходить из процесса стягивания последовательности моментов времени в оперативном времени идентификации признака. Здесь актуальное легко смешивается с воображаемым, ибо отличие состоит не в качественной стороне дела, а в процессуальной, так что «двойник» наблюдаемого объекта, который желаемым свойством обладает, оказывается конституирован почти так же, как и оригинал, этого признака лишённый. Отличие лишь в том, на каком этапе был оборван процесс идентификации признака, относительного непостоянного наличия которого у нас имеются непосредственные восприятия. Мир контрфактического «отпочковывается» от действительного одним актом — побочным продуктом ретенции в оперативном времени. Непосредственное наблюдение агентом становления мира фактического делает контрфактический мир кажущимся вероятным и от фактического наименее отличным.

Ещё один популярный пример позволяет увидеть взаимосвязь референциальных и атрибутивных элементов.

(12) Том хочет купить пальто как у меня

В сценарии, когда Том не знает, какое у меня пальто, но я вижу, что он собирается купить такое пальто, что и у меня, в (12) происходит внесение моего способа именованья в описание установки Тома. Джанет Фодор назвала это *неспецифическим de re* (Fodor 1979), а в работе Кая фон Финтеля и Ирене Хайм (Fintel, Heim 2011) представлен аппарат формализации, позволяющий соотносить объекты из разных миров. Мне кажется, однако, что присутствующая в этом примере дескрипция «пальто, такое же, как у меня», содержит компоненты, прочитываемые *de re*: «я» и «вот это моё пальто», — референты которых могут быть в ситуации произнесения агентом продемонстрированы, что, с одной стороны, ставит под сомнение возможность трансмировой идентификации, а с другой стороны, делает её излишней. Если в ситуации произнесения поэтапно элиминировать дейктические элементы и заменить (12), например, следующими выражениями:

(12') Том хочет купить пальто, такое же, как это [указание]

(12'') Том хочет купить что-то такое [указание],

то окажется, что слушателю предлагается, изучив объект — моё пальто, отвлечь от него комплекс признаков, которым должно удовлетворять пальто, купить которое хочет Том, так что демонстрируемое пальто выполняет

функцию основания абстракции. Знакомство моего собеседника с моим пальто в ходе описанного разговора порождает его идентификацию посредством конечного набора его свойств, которые, например, в прикладной онтологии были бы занесены в базу данных. Таковы цвет, материал, изготовитель, фасон, количество карманов и пр. По интенционалу выражения «это пальто» можно образовать абстракцию класса «объекты, обладающие свойствами, которыми обладает это пальто в действительном мире», а по ним интенционал предиката «быть пальто, таким же, как моё пальто в мире w ». Таким образом, мы приходим к прочтению *de dicto*:

$$Des(T, \exists x . P_{w1}(x) \wedge Q_{w1}(T, x)),$$

где P_{w1} — предикат «быть пальто, таким же, как моё пальто в мире w », интерпретированный в w_1 , $\hat{P}(@) = b$ и $\{U : U(b)\} = \{X : X(b')\}$, где $\hat{P}(w') = b'$ для произвольного w' . Кросс-идентификация здесь не нужна, поскольку интенционал предиката «быть пальто, таким же, как моё пальто в настоящем мире» получен на основании прочтения *de re* «моё пальто» и интерпретируется на любой точке шкалы. Признаком того, что это возможно, является как раз описанная контекстуальная элиминируемость выражения «моё пальто», возможная при предъявлении его денотата. Данное решение лежит в русле интенциональной логики Монтегю и, по-видимому, даёт эффект, аналогичный концепт-генераторам в работе (Percus, Sauerland 2003).

Здесь, как и в случае с референциально употребляемыми Ральфом дескрипциями H и S , «пальто как у меня» является «внутренней» дескрипцией, относящейся к ситуации, но благодаря присутствию *de re* компонентов в ещё большей степени оказываются значимыми конкретные обстоятельства ситуации произнесения. Отличие же от случая Ральфа состоит в том, что H и S не могут получить адекватного описания в прикладной онтологии, ибо Ральфом только «замечаются», но не исследуются на предмет абстракции комплекса признаков. Кроме того, Ральф производит достаточно случайное приписывание свойств «быть шпионом» и «быть добропорядочным гражданином», которое другому агенту может не показаться убедительным.

Таким образом, для локальной успешности употребления *de re* дескрипций или смешанных форм указания достаточно их «укоренённости» в ситуации, т. е. наличия некоторого объекта как отправной точки установления отношений обозначения. Это относится и к именам собственным, остающимся пока в стороне. Для интерпретации таким способом укоренённого выражения в иных ситуациях требуется ссылка на исходную ситуацию установления отношения именованного, которая неизбежно принимает вид дескрипции и читается *de dicto*, ибо задача состоит в реконструкции условий исходной ситуации знакомства или именованного, когда её уже нет. Именно поэтому в языке сохраняется то именование, которое для этой исходной ситуации было уместно как внутренняя дескрипция в референциальном употреблении. Сам факт появления такого рода выражений, как «человек в шляпе» или «пальто

как у меня», в речи указывает на эти исходные ситуации, причём именно как на имевшие место в прошлом и как на используемые в настоящее время для того, чтобы обеспечить адекватное понимание указанных дескрипций, например, в контрфактических суждениях

- (13) Если бы Вы встретили тогда того человека в шляпе, то сразу поняли бы, что он шпион.
- (14) Если бы видели моё пальто, то обнаружили бы, что Том хочет пальто, как у меня.

Существуют и другие контексты, в которых столь же отчётливо проявляется требование возврата к отправной точке отношения именованного, но я оставляю их пока в стороне.

Иерархия семиотических фактов: идентификация и дескрипция

К структуре ситуации относится и набор её возможных дейктических референтов, образующих то, что Карл Бюлер назвал «полем указания» (Бюлер 1993: 74; 127 и сл.). Оно формируется в оперативное время фиксации ситуации и образовано дифференцированными в пространстве-времени объектами, которые агентом могут быть в конечное время и конечными средствами различены и идентификаторами.

В интервале форм обозначения от указания до дескрипции можно выделить четыре вида семиотических действий, создающих соответствующие факты. Первый их вид — это идентификация дейктического референта, происходящая в оперативное время установления комплекса признаков — идентификатора возможного объекта. Результатом такого акта становится возможность непосредственного указания, но ещё не возможность дескрипции, хотя бы и смешанной с указанием. Контекст, который несёт ситуация, не может полностью вобрать в себя такое указание и тем самым заместить его, поскольку никакой информации в неё не привносится. Идентификация обеспечивает достижение ситуативной определённости действий агента, которая может исчезнуть уже в следующей ситуации, когда, например, изменится аспект взаимодействия с объектом или изменятся его свойства, которые в основание идентификации легли. Потому идентификация, осуществлённая в некоторой ситуации, влияет на дискурсивную практику, если может быть распространена за пределы данной ситуации и послужить указанию предмета поверх ситуаций. Все явления и процессы, такой идентификации не допускающие, остаются просто вне поля указания.

Второй вид актов связан с формулированием внутренней по отношению к ситуации дескрипции. Она недостаточна для отбора объектов в разных ситуациях, поскольку по своему содержанию ограничена обстоятельствами ситуации, в которой объект представлен и идентифицирован. В примере Куайна дескрипцию «человек в шляпе» нельзя распространить за пределы

ситуации, в которой присутствует её референт, и она приобретают определённую именно в этой ситуации постольку, поскольку состав её дейктических референтов позволяет однозначно установить «человека в шляпе». Если бы обладателей шляп было в этой ситуации много, то для достижения определённости понадобились бы другие признаки. Таким образом, эта внутренняя дескрипция читается *de re* в силу того, что ситуация позволяет непосредственно и однозначно установить её референт. Это требует выполнения ряда условий набором дейктических референтов, который сопоставляется каждой ситуации. Сама же по себе дескрипция остаётся неопределённой или не до конца определённой.

На третьем шаге становится возможным использование собственных имён. Такое имя однажды присваивается дейктическому референту в конкретной ситуации, и это позволяет, во-первых, в ситуациях, в которых этот референт присутствует (*in praesentia*), указывать на него, имея в виду его идентичность исходному дейктическому референту, т. е. так, как будто могла бы быть осуществлена его идентификация поверх ситуаций. Такое опознание, замечу, не обязательно требует опоры на выраженную в языке дескрипцию, а происходит в результате «дающего» акта идентификации, который следует рассматривать как семиотическое условие интерпретации выражений. В примере с пальто Том может искать требуемый ему предмет одежды не по чётко сформулированным критериям прикладной онтологии, а ожидая интуитивного подтверждения сходства. Вообще говоря, только в этом случае прочтение *de re* уместно, тогда как конкретизация, осуществляемая в стиле прикладной онтологии, делает, как говорилось выше, избыточным такое прочтение при выходе за пределы ситуации, в которой моё пальто можно продемонстрировать.

Во-вторых, имя собственное позволяет указывать на исходный дейктический референт в тех ситуациях, в которых он отсутствует (*in absentia*), предполагая так или иначе понимаемую достижимость ситуаций его присутствия в условиях первого употребления. Это близко к тому, что Бюлер называет «дейксисом к воображаемому» (Бюлер 1993: 121–124). Появление в дискурсе имени собственного, таким образом, предполагает последовательность ситуаций его успешного употребления, начинающуюся ситуацией в которой именуемый объект находится *in praesentia*. В ситуациях этой последовательности исходный дейктический референт может быть дан как *in praesentia*, так и *in absentia*, что в последнем случае придаёт собственному имени функцию указания объекта, которую можно охарактеризовать как *praesentia in absentia*. Когнитивная выгода использования имён собственных состоит также в том, что, присвоив однажды имя дейктическому референту ситуации, агент может не думать о том, что произойдёт, если в новой ситуации идентификация этого референта окажется недостаточной. Например, если «человека в шляпе» в ситуации, в которой есть только один человек в шляпе, назвать «Орткатт», то при появлении в следующих ситуациях наряду с ним новых людей в шляпах, имя «Орткатт» будет использоваться как обозначение того объек-

та, которому оно было присвоено в начальной ситуации, получая, тем самым осмысленность именно в этой отсылке. Это не значит, что в новых ситуациях агент избавлен от необходимости уточнять описание дейктического референта с тем, чтобы дифференцировать его ото всех новых, но использования имени собственного даёт компактное обозначение, снабжённое «историей идентификаций», и непосредственно отсылает к первому использованию имени. И в этом состоит «жесткость» десигнации, приписываемой именам собственным, тогда как вне «истории идентификации» остаётся всегда неясным, на каком основании референт имени в разных мирах можно считать одним и тем же и что позволяет успешно использовать его в коммуникативных целях, если среди инструментов идентификации имеются только свойства.

Наконец, четвёртый вид семиотических фактов — это применение определённых дескрипций, т. е. характеристик объекта, которые не используют дейксис, не содержат имён собственных и призваны в каждой ситуации однозначно определить уникальный референт по его свойствам, либо установить его отсутствие среди дейктических референтов ситуации. Такого рода дескрипции обычно задаются не на всём многообразии ситуаций, а на их множестве, удовлетворяющем некоторым условиям. Так, расселовские примеры «нынешний король Франции» и «автор „Уэверли“» требуют единственности для носителя королевского статуса и автора романа, а также достаточной ясности в том, чем король и автор отличаются от тех, кто таковыми не являются. Дескрипции, сами по себе не являющиеся определёнными, — «человек в шляпе» — могут стать определёнными либо в силу обстоятельств, характерных для конкретной ситуации, либо в сочетании с дейктическим компонентом коммуникации.

Опишем эти четыре вида семиотических фактов в терминах прикладной онтологии. В ней каждый объект получает конечное описание так, чтобы была достигнута его точная дифференциация от всех других объектов. Идентификация дейктического референта — это и есть такое описание, осуществляемое с подробностью, которая определена конкретным набором дейктических референтов, всегда конечным в ситуации. Чем их больше и чем более сходными признаками они обладают, тем детальнее будет идентификация. Кроме того, идентификация может осуществляться «с запасом», т. е. по признакам, которые в настоящей ситуации для дифференциации избыточны, но могут стать полезными в будущем, или вообще может быть выбран путь уникальной идентификации, например посредством нумерации дейктических (по аналогии с дискурсивными) референтов. Будет ли это реализовано в каждом случае использования языка, зависит от намерений агента. В примере Куайна Ральф, по-видимому, не собирался предпринимать никаких действий в связи с тем, что некто в шляпе показался ему похожим на шпиона, — в противоположном случае идентификация должна была бы быть более подробной, — что делает всю ситуацию неспецифической, т. е. не интерпретируемой в прикладной онтологии. Появление внутренних для ситуа-

ции дескрипций означает выбор идентифицирующего комплекса признаков, достаточного для этой ситуации. Такова логическая операция установления достаточного основания для различения, которая позволяет появиться первичному обозначающему комплексу, образованному указанной дескрипцией *in praesentia*. Дальнейшая работа по дифференциации в новых ситуациях связана с уточнением или пересмотром этой дескрипции. Имя собственное в прикладной онтологии фигурирует как уникальное обозначение, эквивалентное нумерации, что позволяет применять имя в любой ситуации. Неопределённость таких имён-номеров возникает в известных случаях: когда функционирующее имя ошибочно приписывается другому объекту и в итоге приписывается двум разным объектам, или не приписывается его исходному носителю. Это происходит в случае, когда первичная идентификация в новых ситуациях недостаточна, и в них внутренняя дескрипция не обеспечивает различения (Маша слушает курс профессора Переполохова, а затем узнаёт его в оперном певце и решает, что профессор подрабатывает певцом, хотя это два брата-близнеца), или же выбранные для неё признаки не являются достаточными для в каком-то смысле далеко отстоящих друг от друга ситуаций (Профессор Переполохов знал Машу, когда она была ребёнком, и теперь не узнаёт её, когда она записалась к нему на курс). Кроме того, два имени можно приписать одному и тому же объекту, если основанием для этого служат разные идентификации и внутренние дескрипции (Гесперос и Фосфорос). Прикладная онтология, сталкивающаяся с растущим числом объектов или с повторным появлением одних и тех же объектов, должна расширять инструменты идентификации и описания, а также производить отождествления неразличимого. Последняя операция оказывается наиболее сложной, поэтому на практике мы предпочитаем иметь дело с двумя файлами, заведёнными на похожие объекты, пусть даже на самом деле это один и тот же объект. Появление двух файлов связано с двумя дейктическими референтами, которые могут оставаться различными и хорошо дифференцируемыми даже после того, как соответствующие семантические референты будут отождествлены.

Что значит, что дейктические референты разных ситуаций отождествляются, и что значит, что отождествляются их семантические референты?

Здесь следует обратить внимание на структуру акта первого вида, т. е. собственно идентификации. Она протекает в оперативное время фиксации настоящего положения дел и по завершении может немедленно воспроизводиться, что, например, будет иметь место при продолжительном наблюдении объектов или процессов агентом. Хотя каждая отдельная ретенция обязательно обрывается, их приводящая к одному и тому же результату возобновляющаяся последовательность представляет собой синтетическое единство, данное агенту непосредственно. Это даёт основание для убеждения в непрерывном характере наличия объекта или процесса в поле наблюдения агента, ибо иного способа конституировать такое присутствие кроме длящегося непосредственного взаимодействия у него просто нет. Даже, если объект

испытывал превращения или был подменяем для агента незаметно, это не меняет результата. Иными словами, последовательность одинаковых по содержанию ретенций порождает интервал непосредственного взаимодействия, образованный последовательностью ситуаций, к составу дейктических референтов которых принадлежит наблюдаемый объект, причём появление иных объектов, возможно, разрушающих определённую первую внутреннюю дескрипцию, не оказывает влияние на идентификацию, коль скоро она осуществляется относительно пространства—времени дейктических референтов. Только утрата непосредственного контакта с объектом потребует от агента уточнения внутренней дескрипции или введения дескрипции обычной. Идентификатор объекта претерпевает на всём интервале модификацию, приравниваясь к изменению свойств объекта, так что в предельном случае, т. е. когда такие свойства меняются в наибольшей возможной степени, определённой остаётся лишь пространственно-временная координата поля дейктических референтов. Тождество возникает как семантическое явление на основе сохранения идентификации этого бедного по содержанию носителя, но при этом идентификаторы всегда остаются различными и мыслятся различными в связи с внутренними дескрипциями при подведении их референтов под отношение тождества. Утверждая тождество двух объектов, агент сообщает о том, что в двух разных ситуациях появились два, возможно, разных идентификатора, которым были сопоставлены также, возможно, разные внутренние дескрипции, но что существует или потенциально осуществим интервал непосредственного взаимодействия с ними, в котором более поздний идентификатор является модификацией более раннего. Отождествление звёзд Гесперос и Фосфорос предполагает возможность непосредственного свидетельствования модификации одного идентификатора в другой на интервале наблюдения.

Описанный процесс отсылает к дескриптивной психологии феноменологической традиции, которая в данном случае совершенно уместно, поскольку позволяет сделать фиксацию идентифицирующих признаков дискурсивных референтов и модификации таких референтов друг в друга исходными семиотическими фактами, не требующими разложения на компоненты. Для формальной семантики это означает, что задана упорядоченная во времени дискретная последовательность ситуаций, что конечные поля дискурсивных референтов этих ситуаций определены и что между каждой парой дискурсивных референтов двух ситуаций, из которых одна непосредственно следует за другой, определено нерелексивное и несимметричное, но транзитивное бинарное отношение модификации. Узнавание объекта в новой ситуации верифицируется наличием такого отношения, ложное узнавание — его отсутствием.

Пусть теперь $AG = a, b, \dots$ — множество агентов, $S = s, s_1, s_2$ — множество ситуаций, $ID = id, id_1, id_2$ — множество дейктических референтов ситуации. S частично упорядочено отношением $<$. На S определено также отношение SR — трансформация ситуаций, а на $AG \times R$ — отношение ожидаемой

агентом трансформации. Анонсирование агентом выражения вызывает трансформацию ситуации, элементом которой может быть трансформация поля дейктических референтов и самих такие референтов. Фактическое значение выражения e при анонсировании агентом a определяется так:

$$\mu(e, a) =_{\text{Df}} \{\langle s_i, s_k \rangle : s_i SR(a, e) s_k\},$$

иными словами, значение характеризуется в духе динамической семантики, а именно, как способностью выражения задавать контекст (*context change potential*), в котором будет анонсировано следующее выражение. Но при этом какие-то ситуации не являются для агента желательными, другие же, наоборот, представляют собой цель, ради которой осуществляется анонсирование. Достижение такой цели делает анонсирование успешным. Понятие коммуникативной успешности я в общих чертах описал ранее (см. Микиртумов 2017). Успешность образует второй план значения выражения, не связанный с его денотатом иначе, кроме как его вовлечением в намерения говорящего. Так, иногда успешными оказывается анонсирование ложного предложения или указание не на тот объект или факт, на который агент хотел указать. Оценка успешности позволяет описывать вклад компонентов выражения в значение целого — их композициональность — в конкретной ситуации. Но здесь нет необходимости дальше конкретизировать успешность как аспект значения, достаточно ориентироваться на это общее описание.

Тождество семантических референтов именных выражений X и Y в ситуации вынуждается отношениями дейктических референтов следующим образом:

$$s_n, a \models X = Y \Leftrightarrow \text{id}[s_k, a, X] \blacktriangleright |s_k, \dots, s_m| \text{id}'[s_n, a, Y]$$

где \blacktriangleright — отношение трансформации дискурсивных референтов в последовательности ситуаций, s_k, \dots, s_m — последовательность таких ситуаций, реально или потенциально сохраняющая определённую модификацию исходного id в s_k до результирующего id' в s_n для агента a . Если такая цепочка оборвётся в следующей ситуации s_{n+1} , то в ней не будет уже вынуждаться $X = Y$.

Условия вынуждения оказываются здесь привязанными к агенту как к одной из характеристик точки соотнесения, и информация об агенте как авторе именовании не является частью ситуации, в которой сам же этот агент анонсирует выражение. Но при анонсировании выражений указание на ситуацию и агента, как правило, не вербализуется, поскольку её несёт в себе контекст. Стоит, однако, спросить, кто и почему называет те или иные объекты теми или иными именными выражениями, или же, почему прочтение выражение оказывается неоднозначным, как эта имплицитная информация становится эксплицитной. Так происходит абстракция отношения именовании.

Абстракция отношения именованя

При интерпретации равенства $X = Y$ на ситуациях и дейктических референтах отражаемое в нём отношение именованя может быть представлено как функция. Получить такую функцию можно с помощью абстракции отношения именованя, которую я назову δ -абстракцией. Аналогия с λ -абстракцией распространяется здесь как на интерпретацию, отсылающую к семантическим программам — действиям или процедурам, так и на возможность переформулировок выражений естественного языка, которые можно поставить в соответствие операциям абстракции и конверсии в двух видах: экстенциональном и интенциональном. Так,

(15) Снег бел.

в результате экстенциональной и интенциональной λ -абстракций обоих терминов переформулируется, соответственно, в

(15') Объект «снег» относится к классу белых предметов.

(15'') Объекту «снег» приписывается свойство «быть белым».

(15''') Концепт «снег» содержит свойство «быть белым».

В (15'') интенционализация касается предиката, в (15''') — и субъекта, и предиката. Абстракции отношения именованя соответствует такие переформулировки (15):

(16') Объект, именуемый «снег», относится к классу предметов, именуемому «белое».

(16'') Объект, именуемый «снег», обладает свойством, именуемым «быть белым».

(16''') Концепт, именуемый «снег», включает свойство, именуемое «быть белым».

Здесь речь не идёт о выборе языка, так что, когда мы говорим, что выражение «именует» объект, речь идёт о констатации положения дел в интерпретированном языке, позволяющем по-разному именовать одни и те же объекты. Компонентами такого именованя в случае категории термов являются дейктический референт, ситуация, агент и выражение языка. Выбор трактовки — экстенциональной или интенциональной — не имеет значения.

Для предложения абстракция знакового комплекса, или δ -абстракция, может быть осуществлена следующим образом:

(17) Гесперос — звезда.

(17') $(\delta y . звезда(id(s)(a, y)))(\text{«Гесперос»})$.

Здесь абстрагируется выражение как таковое, а качестве δ -терма появляется функция с тремя параметрами — дейктическим референтом, ситуацией и агентом, означивание которых контекстом восстанавливает ситуацию, в которой агент назвал некоторый объект «Гесперосом». Это отражает неопределённость значения (17), поскольку мы не знаем, кто и на каких основаниях его употребляет. Далее, уже с помощью λ -абстракции получаем терм

$$(18) \quad \lambda x \lambda z \lambda u \lambda y . \text{ звезда}(x(z)(u, y)),$$

где типы переменных суть, соответственно, тип дейктического референта, ситуации, агента и знакового комплекса. В итоге получаем четырёхместный предикат, который можно прочесть так: «быть дейктическим референтом x ситуации z , являющимся звездой, будучи обозначенным агентом u именем y ». Полезное свойство δ -абстракции состоит в том, что именование отделяется от прочих видов предикации и абстрагирует из выражения имя, а не его референт. Это позволяет при формализации не использовать предикат, выражающий отношений именования. Основание для этого в том, что он не фигурирует эксплицитно ни в интерпретируемом языке, ни в метаязыке и, следовательно, имеет смысл попытаться выразить семиотические обстоятельства логико-семантическими средствами. Для предложения

$$(19) \quad \text{Гесперос} \text{ — это } \text{Фосфорос}.$$

возможны два варианта абстракции:

$$(19') \quad (\delta y z . \text{id}(s)(a, y) = \text{id}(s)(a, z))(\text{«Гесперос»})(\text{«Фосфорос»})$$

$$(19'') \quad (\delta y . (\text{id}(s)(a, y)))(\text{«Гесперос»}) = (\delta y . \text{id}'(s')(b, y))(\text{«Фосфорос»})$$

В (19') δ -терм выражает параметрический предикат «быть синонимичным относительно id , s и a », в (19'') утверждается, что разные агенты в разных ситуациях и в связи с разными дейктическими референтами используют разные имена, которые для нас обозначают один и тот же объект.

Комбинации λ и δ -абстракции позволяют описать следующие случаи:

- $\lambda x \delta y . \text{id}(s)(x, y) = \text{id}'(s')(x, y)$ — агент использует одно имя для двух дейктических референтов разных ситуаций, которые соответствуют одному объекту для нас — ситуация двойного знакомства,
- $\lambda x \delta y . \text{id}(s)(x, y) = \text{id}'(s')(x, y)$ — агент отождествляет дейктический референт в двух ситуациях,
- $\lambda x \delta y \delta z . \text{id}(s)(x, y) = \text{id}'(s')(x, z)$ — агент использует разные имена для одного объекта в разных ситуациях (синонимия),
- $\lambda x \lambda u \delta y \delta z . \text{id}(s)(x, y) = \text{id}(s)(u, z)$ — два агента в одной ситуации обозначают один и тот же объект разными именами,
- $\lambda x \lambda u \delta y \delta z . \text{id}(s)(x, y) = \text{id}'(s')(u, z)$ — два агента в разных ситуациях обозначают один и тот же объект разными именами,

- $\lambda x \lambda y \lambda z . \text{id}(s)(x, y) = \text{id}'(s')(u, z)$ — два агента в разных ситуациях обозначают разные дейктические референты разными именами, в то время как для нас эти референты соответствуют одному и тому же объекту — ситуация двойного видения.

Следствием применения δ -абстракции становится появление выражения, параметрами которого являются дейктический референт, ситуация и агент, конституирующие отношение именованности и имплицитно присутствующие всегда, когда имеет место употребление *de re*. Тем самым формируется запрос на информацию актуальной ситуации или же ситуации, имевшей место в прошлом, но связанной с актуальной отношением трансформации. Этот результат кажется мне совершенно естественным, поскольку неоднозначность, обнаруживаемая при двойном знакомстве, двойном видении, неспецифическом *de re*, в случае парадоксов отношения именованности и подобных ему, проистекает из недостатка информации о семиотических обстоятельствах появления отношения именованности, что не имеет семантической природы.

Такой информации в следующих высказываниях эксплицитно, действительно нет, но если они используются коммуникативно успешно, то происходит это потому, что говорящему и слушающему она известна из контекста:

- (19) Гесперос — это Фосфорос.
(20) [4] Ральф считает, что *O* шпион, и не считает, что *O* шпион.
(21) [12] Том хочет купить пальто как у меня.
(22) Питер думает, что Мэри счастлива.
(в ситуации, когда Питер видит смеющуюся Мэри издалека, и неизвестно, знает ли Питер, что та, кого он видит, — Мэри)
(23) Король Георг желает знать, является ли сэр Вальтер Скотт автором «Уэверли».

Если же контекст не восполняет недостающую информацию, т. е. скрывает «сценарий» прочтения и делает невозможным восстановление отношений именованности, то интерпретация становится невозможной или же мы располагаем альтернативами. Чем является δ -терм? Если B — употребляемый *de re* компонент A , то $(\delta x . A(\text{id}(s)(a, x)))(\langle B \rangle)$ — это функция от выражения « B » в такое значение $A(B)$, при котором использование $A(B)$ является для агента коммуникативно успешным.

Раскроем для высказываний (19)–(23) условия, соответствующие ситуациям, при которых они оказываются как истинными, так и ложными и, для каждой из возможностей, успешными или неуспешными в ситуации. Совокупность всех обстоятельств характеризует то, что называется сценарием и означает все параметры, выявляемые δ -абстракцией.

Рассмотрим (19). Указание на кореферентность двух имён имеет коммуникативную ценность в случае, если агент сначала не отождествлял их дейктические референты, а потом, исследовав последовательность ситуаций, установил их тождество. В этом случае имеет место

(19''') $(\delta yz . \text{id}(s)(a, y) = \text{id}'(s')(a, z))(\langle \text{Гесперос} \rangle)(\langle \text{Фосфорос} \rangle)$,

отличное от (19') коиндексированием дейктического референта и ситуации. δ -терм представляет собой формальный образ сценария использования имён «Гесперос» и «Фосфорос» одним агентом для одного объекта, воспринятого как разные дейктические референты, но в разных ситуациях, так что (считаем здесь истинность условием успешности)

$$s_n, a \models (\delta yz . \text{id}(s_k)(a, y) = \text{id}'(s_n)(a, z))(\langle \text{Гесперос} \rangle)(\langle \text{Фосфорос} \rangle) \Leftrightarrow \\ \text{id}[s_k, a, \langle \text{Гесперос} \rangle] \blacktriangleright |s_k, \dots, s_n| \text{id}'[s_n, a, \langle \text{Фосфорос} \rangle].$$

Напротив, как указывалось выше, (19'') когнитивно ценно как констатация того, что два агента используют разные имена для обозначения одного объекта, идентифицированного ими по-разному и в разных ситуациях. При этом если анонсирование осуществляет один из этих агентов, то оказывается, что он использует описание акта именованного, совершённого другим агентом, — «Гесперос — это Фосфорос, поскольку то, что я называю „Гесперос“, другой называет „Фосфорос“». Вовлечение акта именованного другого агента можно представить так:

$$s_n, a \models (\delta y . \text{id}(s_n)(a, y)) = (\delta z . \text{id}'(s_n)(b, z))(\langle \text{Фосфорос} \rangle)(\langle \text{Гесперос} \rangle) \Leftrightarrow$$

функция $(\delta y . \text{id}(s_n)(a, y)) = (\delta z . \text{id}'(s_n)(b, z))(\langle \text{Фосфорос} \rangle)$ сопоставляет имени «Гесперос» такое множество пар ситуаций $\langle s_i, s_j \rangle$, что анонсирование «Гесперос — это Фосфорос» агентом a в s_i порождает желательную ситуацию

& s_j, s_n — первый член одной из таких пар

& для некоторых s_k и s_l верно, что

$$\text{id}[s_k, a, \langle \text{Гесперос} \rangle] \blacktriangleright |s_k, \dots, s_n| \text{id}'[s_n, a, \langle \text{Фосфорос} \rangle] \text{ и} \\ \text{id}[s_l, b, \langle \text{Фосфорос} \rangle] \blacktriangleright |s_l, \dots, s_n| \text{id}'[s_n, b, \langle \text{Фосфорос} \rangle].$$

Здесь id' — это дейктический референт s_n , выступающий в таком качестве для обоих агентов.

Адекватное описание отношений именованного в (20) требует индексирования, при котором имя «Орткатт» выводится из установки Ральфа. Добавляем также маркер возможного мира:

$$w_{@}, s_n, a \models (\delta x . \text{Bel}(\text{Ральф}, \text{шпион}(\text{id}'(s_m)(a, x))) \\ \wedge \neg \text{Bel}(\text{Ральф}, \text{шпион}(\text{id}''(s_n)(a, x)))(\langle \text{Орткатт} \rangle) \Leftrightarrow$$

$$\text{id}'[s_m, a, \langle \text{Орткатт} \rangle] \blacktriangleright |s_m, \dots, s_n| \text{id}''[s_n, a, \langle \text{Орткатт} \rangle]$$

$$\& w_{@}, s_n, a \models \text{Bel}(\text{Ральф}, \text{шпион}(\text{id}'(s_m))),$$

$$\& w_{@}, s_n, a \models \neg \text{Bel}(\text{Ральф}, \text{шпион}(\text{id}''(s_n))).$$

В последних двух строках индекс агента потребуется для установления значения имени «Ральф», которое не создаёт затруднений.

Но по какому принципу производить индексирование дейктических референтов? По-видимому, следует руководствоваться следующим правилом: в эпистемическом контексте всякому вхождению прочитываемого *de re* выражения сопоставляется новый дейктический референт. Коиндексирование производится при наличии дополнительной информации.

Общее определение значения для эпистемического контекста, содержащего описание установки другого агента, выглядит так (здесь ${}^1X, \dots, {}^kX$ — перечень различных вхождений X):

$$w_{@}, a \models \text{Bel}(b, A({}^1X, \dots, {}^kX)) \Leftrightarrow \\ w_{@}, s_m, a \models \delta x(\text{Bel}(b, A(\text{id}_1(s_m)(b, x)), \dots, \text{id}_k(s_m)(b, x))))(\langle X \rangle) \\ \& \text{id}_i[s_m, a, \langle X \rangle] \triangleright \text{id}_j[s_m, a, \langle X \rangle] \text{ для любых } i \text{ и } j \text{ из интервала от } 1 \text{ до } k \\ \& w_{@}, s_m, a \models \text{Bel}(b, A(\text{id}_i(s_m))) \text{ для любого такого } i.$$

Это значит, что, когда мы посредством δ -абстракции удаляем из области действия эпистемического оператора установки агента b все вхождения употребляемого *de re* X , на их местах остаются различные дейктические референты. В отношении них имеет место установка, интерпретируемая в ситуации s_m , информация которой позволяет определить агента и дейктического референта установки. Для агента a все дейктические референты отождествляются, и при описании установки b мы имеем дело с дейктическим референтом ситуации, как он дан a .

Если же агенты a и b совпадают, т. е. носитель установки сам использует имя X для обозначения объекта установки, то это не затрагивает интерпретацию её содержания. Как следует трактовать информацию о совпадении или несовпадении a и b ? Она не относится ни к семантике, ни к прагматике и представляет собой семиотическое обстоятельство, о котором сообщает контекст и при отсутствии которой мы не можем интерпретировать (20) так, чтобы обнаружить условия истинности и успешности. Иными словами, δ -абстракция вводит дополнительное условие интерпретации слева от знака вынуждения и соответствующие параметры выражения в его логическую форму. Хотя это кажется усложнением, но, например, в случае следующего высказывания оно представляется совершенно оправданным:

- (24) Ральф считал, что Орткатт шпион, и при этом не считал, что Орткатт шпион, и только узнав, что эти его мнения относятся к одному человеку, и что фамилия его Орткатт, он понял, что произошло.

Логическая форма для (24) будет включать два дейктических референта, обозначенные Ральфом как H и S , и двух агентов — Ральфа и автора описания ситуации:

$$\begin{aligned}
& (\delta x . \text{Bel}(\text{Ральф}, \text{шпион}(\text{id}'(s_m)(a, x))) \\
& \quad \wedge \neg \text{Bel}(\text{Ральф}, \text{шпион}(\text{id}''(s_n)(a, x)))(\langle \text{Орткатт} \rangle) \\
& \quad \wedge (\text{Know}(\text{Ральф}, (\text{id}'(s_n)(\text{Ральф}, H)) = \text{id}''(s_n)(\text{Ральф}, S)) = \\
& \quad \quad \text{id}''(s_n)(\text{Ральф}, \langle \text{Орткатт} \rangle))) \leftrightarrow \text{Know}(\text{Ральф}, p)
\end{aligned}$$

В (21), если «пальто как у меня» почитано *de re*, то, как мы помним, референция осуществляется к демонстрируемому объекту «моё пальто»:

$$\begin{aligned}
w_{@}, a \models \text{Des}(\text{Том}, \exists y(A(\text{Том}, y) \wedge P(\text{моё пальто})(y))) \Leftrightarrow \\
w_{@}, s_n, a \models (\delta x . \text{Des}(\text{Том}, \exists y(A(\text{Том}, y) \wedge P(\text{id}(s_m)(a, x))(y))))(\langle \text{моё пальто} \rangle),
\end{aligned}$$

где $s_m < s_n$. Здесь при интерпретации установки желания предикат «быть похожим на моё пальто» образован как применение функции «быть похожим» к дейктическому референту *id* в ситуации s_m , как он был дан агенту a , и в мире реализации желания этот предикат приписывается, по крайней мере, одному объекту. Как частный случай Том может совпадать с агентом a .

Выражения (22) и (23) не обладают спецификой, и их анализ можно осуществить аналогичным образом.

Явное использование отношения именованя и абстракция именованя

Что произойдёт, если выражение будет содержать явное упоминание отношения обозначения или иных семиотических отношения? Этот вопрос требует особого исследования, сейчас я выскажу лишь некоторые соображения. Рассмотрим следующий пример:

(25) Спутник Земли называется Луной.

δ -абстракция извлекает имя, оставляя дейктический референт, ситуацию и агента. Конструкция

(26) $\# (\delta x . (\text{Спутник Земли называется } (\text{id}(s)(a, x))))(\langle \text{Луна} \rangle)$

требует особой интерпретации. Понимание δ -терма, которое было представлено выше, даёт следующее прочтение: имени «Луна» сопоставляются ситуации, в которых оно успешно может быть использовано агентом a для обозначения дейктического референта *id* ситуации s . Но что это за референт? В его качестве фигурирует выражение языка — знаковый комплекс, и совокупность таких комплексов в виде словаря существует одновременно для всех ситуаций и миров. Но ведь такой комплекс дан в качестве аргумента δ -терма. Считая язык интерпретированным, мы, утверждая (25), сообщаем о том, как он интерпретирован, и используем отношение «называть» для выражения семиотического факта. (26) не будет поэтому адекватно выражать

(25), и можно также считать, что (26) получено неверным применением δ -абстракции.

В случаях, когда выражение является компонентом пропозиции, сообщающей о его значении, или когда оно в речевом акте соотносится как имя с объектом, δ -абстракция уже совершена. Предложению (25) и подобным ему следует сопоставить форму

$$(27) \quad (\delta x . (\text{Спутник Земли } (s)(a, x)))(\text{«Луна»}),$$

где определённая дескрипция «спутник Земли», единственность референта которой предполагается, занимает место идентификатора, ибо для указания имени нужно прежде задать его референт, для чего могут использоваться имя собственное («Юрий Стас — это Станислав Гусев»), демонстратив («знакомься, это — Ральф») или дескрипция (25). Ещё одна δ -абстракция, на этот раз уже этого способа задания референта, также возможна. Из (27) получаем:

$$(28) \quad (\delta y . (\delta x . ([\text{id}(s')(a, y)](s)(a, x)))(\text{«Луна»}))(\text{«Спутник Земли»}),$$

где $s' < s$. Такой анализ приводит нас к дейктическому референту, но принадлежащему ситуации, отличной от той в которой ему сопоставляется имя «Луна».

Случай с именами, взятыми в кавычки,

$$(29) \quad \text{Спутник Земли называется «Луна»}$$

по-видимому, подобен таковому без кавычек. Поскольку компонентом пропозиции является выражение, при его вынесении направо нет необходимости добавлять новые кавычки.

Особый случай представляют демонстративы, для которых требуется единство места и времени:

$$(30) \quad \text{Знакомься, это — Ральф.}$$

$$(31) \quad (\delta y . (\delta x . \text{знакомься}_{\text{имп}}(a, b, s, \text{id}(s)(a, y) = \text{id}(s)(a, x)))(\text{«Ральф»}))(\text{«это»})$$

Здесь демонстратив играет роль идентификатора дейктического референта, относительно которого утверждается, что даны два способа указание на него в одной и той же ситуации одним и тем же агентом. Императивная форма отсылает пропозицию в возможный мир, в котором имеет место $[\text{id}, s', b, \text{«это»}] = [\text{id}, s', b, \text{«Ральф»}]$.

При явном употреблении терминов, выражающих отношение именования, не возникает затруднений и для использования предиката «называть» или «именовать», если по тем или иным причинам нет препятствий для введения их в язык-посредник. Но, если вернуться к эвристике прикладной онтологии, то может оказаться более удобным не вводить категорию выражений языка

как объектов особого рода, а сохранить за ними чисто назывную функцию, оставляя их, так сказать, прозрачными в употреблении. Соответствующие отношения в этом случае будет моделировать δ -абстракция, чего, как кажется, будет достаточно для обеспечения предикации свойств и отношений дейктическим референтам в отрыве от информации о том, кто, как и при каких обстоятельствах их именуется.

Заключение

Выше я постарался описать семиотические факты, или же обстоятельства, связанные с отношением именованности. При интерпретации выражений, содержащих установки агентов, эти обстоятельства, на мой взгляд, должны рассматриваться как несущие информацию особого рода. То, как агенты обозначают те или иные объекты в актуальном или возможном мире, не является семантическим фактом, если только само интерпретируемое высказывание не сообщает об отношении именованности, в котором участвует агент. Но оно не является всецело и фактом прагматическим. Сигнификация представляет собой условие употребления выражений, но условие, так сказать, техническое, не связанное с внелингвистическими обстоятельствами. Можно считать отношение именованности задающим некоторые пресуппозиции, и тогда они будут иметь особый статус, распространяясь, например, из актуального мира по линиям отношений доксистической достижимости агента на другие миры, что не имеет места для прагматических обстоятельств.

Репрезентация семиотических фактов потребовала анализа ситуаций произнесения и выделения в их структуре полей дейктических референтов. Подобно ситуациям, которые порождаются одна из другой вследствие анонсирования агентами тех или иных высказываний, дейктические референты также трансформируются от ситуации к ситуации. Удержание такого референта и установление тождества двух дейктических референтов из разных ситуаций производится посредством атомарных когнитивных действий агентов. Это даёт основание для того, чтобы считать последовательности ситуаций единицами, конституирующими дейктические референты и дающими основание для возникновения их внутренних для ситуации дескрипций. Дейктический референт указан всегда тем или иным способом, а совокупность таких способов задаёт иерархию семиотических фактов. Первый и привязанный к ситуации уровень образует невербализованное указание, когда осуществляется демонстрация без участия выражения языка. Второй уровень — это демонстративное выражение в сочетании с общим именем и данными контекста. На третьем уровне, когда достигается ещё большая независимость от ситуации, действует имя собственное, наконец, на четвёртом — определённая дескрипция. Иные способы, позволяющие прочитать выражение *de re*, можно свести к указанным четырём.

Будучи компонентом пропозиции, находящейся в области действия установки агента, дейктический референт в ряде случаев именуется не автором

установки, а другим агентом, который эту установку транслирует. Это возможно в силу того, что отношение именованного может быть подвергнуто операции абстракции, т. е. выражение, в котором, например, употребляется имя собственное, можно преобразовать в эквивалентное выражение, в котором компонентом пропозиции является дейктический референт этого имени, а само имя фигурирует как выражение языка, выбранное определённым агентом в определённой ситуации (не обязательно актуальной) для обозначения этого дейктического референта. Абстракция отношения именованного, или δ -абстракция, как мне кажется, позволяет прояснить рассмотренные в статье примеры двойного знакомства, двойного видения и неспецифического *de re*. Соответствующие выражения до осуществления δ -абстракции могут успешно использоваться в коммуникации лишь при наличии у агентов информации контекста, означающей имплицитные параметры отношения именованного употребляемых *de re* компонент. δ -абстракция «проявляет» эти параметры в логической форме, так что они формируют соответствующие запросы в адрес контекста произнесения. При этом структуры интерпретации, работающие с эпистемическими или временными операторами, а также с несигнификативными прагматическими условиями, δ -абстракцией не затрагиваются.

Литература

- Бюлер 1993 — *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. Пер. с нем. Общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной. М.: Прогресс. 1993.
- Гийом 1992 — *Гийом Г.* Оперативная хронология рече-языкового акта. Пер. с фр. П. А. Скредина // Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: ИГ «Прогресс», 1992.
- Микиртумов 2017 — *Микиртумов И. Б.* Композициональность, контекстная зависимость и локальность значения // *Логико-философские штудии.* 2017. Т. 15, № 3. С. 140–171.
- Fintel, Heim 2011 — *Fintel, K. von, Heim, I.* Intensional Semantics. MIT, 2011.
- Fodor 1979 — *Fodor, J.* The Linguistic Description of Opaque Contexts. N.Y.: Garland Pub., 1979.
- Kaplan 1968 — *Kaplan D.* Quantifying In // *Synthese.* 1968. Vol. 19, no. 1–2. P. 178–214.
- Percus, Sauerland 2003 — *Percus, O., Sauerland, U.* On the LFs of Attitude Reports // *Proceedings of Sinn und Bedeutung 7* / ed. by M. Weisberger. 2003. P. 228–242.
- Schwager 2011 — *Schwager, M.* Speaking of Qualities // *Proceedings of SALT 19.* 2009. P. 395–412.
- Sudo 2014 — *Sudo, Y.* On *De Re* Predicates // *Proceedings of WCCFL 31.* 2014. P. 447–456.
- Tiskin 2016a — *Tiskin, D.* Aspects of naming and names of aspects // *Вестник СПбГУ.* Сер. 17. 2016. Вып. 4. С. 75–84.
- Tiskin 2016b — *Tiskin, D.* Conditional attitude ascription // *Эпистемология и философия науки.* 2016. Т. 50, № 4. С. 74–93.